

избрал при изображении мира. Так, не подлежит сомнению, что именно идеологическая позиция Скарлет у Митчелл или Эдварда Барнарда у Моэма подвергается осуждению.

Универсальным контекстным средством ограничения авторского всеведения, выражения субъективности и снятия вымышленности является использование в авторской речи модальности, т. е. неопределенности и даже противоречивости информации, выражаемой чаще всего модальными словечками и оборотами, такими, как «вероятно», «может быть», «так сказать», «какой-то», «как бы», «как будто», «когда-то», «очевидно», «пожалуй», «кажется», «с первого взгляда...», «вглядевшись...», «если уж..., то скорее..., чем...», «рассказывали, что...», «если верить слухам», «я уже не помню, кто именно...», «мы затруднились бы ответить...», «никто не мог бы сказать...», «по слухам», «мы не можем, однако, сказать по этому поводу ничего определенного» и т. п.

Модальность тоже передает неполноту авторского знания о событиях и людях, но неполнота эта иная, чем та, которая создается при ограничении физической позиции автора (хотя всякая неполнота авторского знания в ППФ., где сама форма повествования утверждает его вымышленность, является парадоксом). Автор может свободно писать о внутреннем и внешнем мире, но в то же время зачастую выражает сомнение в точности и достоверности сообщаемых им фактов. Заметим, что постоянное сомнение автора порой даже в самых поверхностных фактах обычно свободно сочетается с передачей (и даже без всякой модальности) таких фактов, знание которых третьим лицом в невымышленном повествовании должно быть исключено. Например, поведение и размышления Жавера перед самоубийством, бодрствование князя Мышкина и Рогожина над трупом Настасьи Филипповны и т. п.

Следует оговориться, что отдельные случаи проявления авторской «неуверенности» можно обнаружить почти во всяком большом произведении, даже у Л. Толстого (например, «Наполеон, в и д и м о, вспомнил, что видел его на поле...»), авторской манере которого совсем не свойственна неопределенность; но семантика неполноты и недостоверности авторского повествования возникает лишь там, где модальность пронизывает весь авторский текст, как в «Отверженных», «Идиоте», «Вечном муже», «Волшебной горе», «Белой гвардии», «Мастере и Маргарите», «Свете в августе». Так, автор «Вечного мужа» сомневается даже в возрасте своего героя: «Это был человек ... лет 38 или даже 39»¹⁰.

Сравним модальную форму повествования, избранную Фолкнером в романе «Свет в августе», с противоположной ей формой божественного всеведения (характерной для повествования Л. Толстого) в «Хаджи-Мурате». В интродукции к «Хаджи-Мурату» автор откровенно пишет, что эту «историю» он частью видел сам, частью «слышал от очевидцев, а часть вообразил себе». В соответствии с этим заявлением можно было ожидать естественной модальности повествования, но в тексте повести ее нет — даже там, где автор как будто передает рассказ Каменева, на деле идет безличное всепроникающее авторское повествование о внешних событиях и внутренних переживаниях, в том числе — о предсмертных воспоминаниях и ощущениях Хаджи-Мурата, о которых никто, кажется, знать не мог.

Напротив, вымышленное повествование романа Фолкнера все недостоверно и неопределенно — как в фактических деталях, так и в отношении авторской интерпретации и фактов, и смысла его в значительной степени символических центральных персонажей: есть ли негритянская

¹⁰ Только на первых 20 страницах этой повести мы отметили более 50 употреблений разных модальных слов и словосочетаний.